2. Бэттлер А. Общество: прогресс и сила (критерии и общие начала). М. : Изд-во ЛКИ, 2008.

3. Бьюкенен П. Смерть Запада / пер. с англ. А. Башкирова. М. : АСТ, 2003.

4. Валлерстайн И. Конец знакомого мира: Социология XXI века / пер. с англ. под ред. В.И. Иноземцева. М. : Логос, 2004.

5. История теоретической социологии : в 4 т. / отв. ред. и сост. Ю.Н. Давыдов. М. : Изд-во «Канон+» ОИ «Реабилитация», 2002. Т. 4.

6. Нисбет Р. Прогресс, история идеи / пер. с англ. под ред. Ю. Кузнецова и Г. Сапова. М. : ИРИСЭН, 2007.

7. Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс / пер. с исп. М. : АСТ, 2002.

8. Осборн Р. Цивилизация. Новая история Западного мира / пер. с англ. М. Колопотина. М. : АСТ: АСТ МОСКВА: ХРАНИТЕЛЬ, 2008.

9. Пантин В.И. Волны и циклы социального развития. М. : Наука, 2004.

10. Тоффлер Э. Третья волна. М. : АСТ, 1999.

11. Тузовский И.Д. Светлое завтра? Антиутопия футурологий и футурология антиутопий / Челяб. гос. акад. культуры и искусств. Челябинск, 2009.

12. Турен А. Возвращение человека действующего / пер. с. фр. Е.А. Самарской. М. : Науч. мир, 1998.

13. Философия истории : учеб. пособие / под ред. проф. А.С. Панарина. М. : Гардарики, 1999.

14. Фромм Э. Бегство от свободы / пер. с англ. Г.Ф. Швейника. М. : АСТ, 2011.

15. Фромм Э. Человек одинок. URL : http://scepsis.net/library/id_898.html (дата обращения: 24.05.2013).

16. Штомпка П. Социология социальных изменений / пер. с англ.; под ред. В.А. Ядова. М. : Аспект-Пресс, 1996.

Idea of social progress in the western society in the middle of the XX century

There are considered the origins of the crisis of the progressive thinking in the western world in the middle of the XX century. Special attention is paid to the human factor as the development source. There is noted that not all the crisis tendencies were overpassed in the transition to the new post-industrial epoch.

Key words: *social progress, post-industrial society, crisis, modernization.*

В.В. ЩЕГЛОВ
(Волгоград)

СОВРЕМЕННЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ НАЦИОНАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА

Описана специфика взаимодействия государства и гражданского общества. Особое внимание уделено анализу понятия национального государства, без которого не могут быть поняты механизмы и формы существования гражданского общества.

Ключевые слова: *государство, гражданское общество, гражданское самосознание, национальное государство, демократия.*

Воздействие государства на формирование и развитие гражданского общества, а тем самым и гражданского самосознания может быть как позитивным, так и негативным. Понятно, что развитие гражданского общества само по себе должно ставить государство под контроль этого общества. Но так ли это? При внимательном рассмотрении на первом месте все же стоят формы и методы воздействия государства на общество.

Чем более развито гражданское общество, чем выше уровень гражданского самосознания, тем более явственным становится, что далеко не любая политическая или гражданская деятельность является деятельностью государственной. Соответственно, и наоборот: далеко не всякая государственная деятельность носит характер политической деятельности.

В современном мире государственная политика становится актуальной тогда (если речь идет о демократии), когда необходимо выбирать курс действий для всего общества. Соответственно, государство представляет собой всего лишь основной институт политической системы, ее нормативный центр, обладающий верховной властью, исключительная юрисдикция которой распространяется на всех членов общества и всю территорию страны. А политическую систему, в свою очередь, можно рассматривать как официальный механизм, с помощью которого проблемы и решения на законных основаниях выявляются и осуществляются (подход Уорда и Макридие) [6].

Западные политологические школы генезис государства достаточно однозначно выводят «из предгосударственных форм упорядочения групповой жизни людей, объединенных интересами и целями, протекающего под

© Щеглов В.В., 2013

воздействием различных факторов: императив выживания; вождизм (власть вождя, шамана, жреца); завоевание и подчинение одних групп другими; рост численности населения; появление частной собственности; развитие патриархальных, родоплеменных отношений, договор с подданными; социальная дифференциация членов общества; образование классов; возникновение политики, организующей и регулирующей общественные отношения, и институтов ее – центральных властных структур и органов управления и контроля» [2, с. 59].

По мере формирования гражданского общества часть этих факторов (императив выживания, социальная дифференциация, регуляция общественных отношений и др.) попадает также в зону его контроля. Уже в XVIII в. возникло некоторое противопоставление государства и гражданского общества. В. фон Гумбольдт считал, что чрезмерно разросшееся государство препятствует свободному волеизъявлению индивида и реализации его потенциальных возможностей. Если это так, то самосознание индивида, являясь гражданским в силу своей социально-политической направленности, зачастую становится все более оппозиционным по отношению к государству. Уже в XIX в. многие ученые (И. Бентам, Ж. Сисмонди, П. Пфицер, Л. Фон Штейн, Г. Гегель и др.) указывали на то, что слишком большая свобода гражданского общества становится фактором интенсификации общественных конфликтов. Исходя из этого, они обосновывали необходимость более жесткого регулирования и контроля общественных отношений со стороны государства, что, конечно, в большинстве случаев поддержки не получило (в либеральной интерпретации основ развития общественной жизни).

Парадоксально, но гражданское общество стало развиваться в тот же исторический период, когда государство начало усиливаться и приобретать полный контроль над обществом. Произошло это в процессе формирования национальных государств, которые после Вестфальского договора 1648 г. стали главными акторами международного сообщества. Видимо, только такого рода государство вообще создает почву для оппозиции ему.

Понятие «национальное государство» распространено широко, но его, пожалуй, нельзя назвать общепризнанным. Например, в уже упоминавшемся словаре-справочнике «Зарубежная политология» данное понятие многократно используется контекстуально в разных статьях, но отдельной статьи, посвященной национальному государству, нет. Между тем содержание понятия «национальное государство» чрезвычайно важно для исследуемой темы.

В становлении международной системы национальных государств сыграли свою роль не только исторические события (распад империй, Вестфальский мир и т.д.), но и появление ряда идей, в частности идеи национального суверенитета, а значит, самого национального государства. Начавшие возникать централизованные национальные государства стали руководствоваться в своей деятельности национальными или общегосударственными целями (в отличие от государств средневековых, в которых на первом плане были, скорее, династические интересы, а дальше уже территориальные, романтические и т.п.). Соответственно, система международных отношений приобрела по преимуществу государствоцентристский характер. На основании внутреннего и внешнего суверенитета национальное государство само определяет для себя форму правления, принципы внутренней организации, не признает над собой никакой иной верховной власти. Оно выполняет функцию главного субъекта власти и регулятора общественных и политических отношений.

Взаимное признание государствами друг друга, обязательство не вмешиваться в юрисдикцию другого государства, признание границ и т.п. вели к тому, что структура государств определялась как национальными, так и международными сферами. Это пересечение определило «размеры государства, его внешнюю конфигурацию, организационные структуры, этнический состав, материальную инфраструктуру и т.д.» [1, с. 117].

Важную (но не единственную и даже не главную) роль приобретает способность государства мобилизовывать и организовывать средства принуждения. Однако еще важнее то, что этот процесс институциализации и легитимизации государственного суверенитета и национального государства вел к «лишению всех лиц, сословий и групп каких бы то ни было прерогатив и полномочий, связанных с реализацией основополагающих властных функций государства, и предоставлению ему в этом вопросе исключительной монополии» (Там же, с. 117). Это означает, что все властные полномочия и права принадлежат государству в ущерб всем другим сообществам. Следовательно, на подконтрольной данному государству территории нет и не может быть иной власти, кроме власти единого суверена, что, в частности,

означает монополию государства на легитимное насилие (налоги, полиция, система наказаний и т.п.).

В XX в. противоречия между притязаниями гражданского общества и государства постепенно начинают сглаживаться. Процесс этот двусторонний: он идет и со стороны государства, которое демократизируется, позиционирует себя как социальное государство, и со стороны гражданского общества, которое по мере роста гражданского самосознания, а также собственной институциализации все в большей мере старается вести продуктивный диалог с государством. Например, во вступлении к Конституции Российской Федерации говорится: «Мы, многонациональный народ Российской Федерации, соединённые общей судьбой на своей земле, утверждая права и свободы человека, гражданский мир и согласие, сохраняя исторически сложившееся государственное единство, исходя из общепризнанных принципов равноправия и самоопределения народов, чтя память предков, передавших нам любовь и уважение к Отечеству, веру в добро и справедливость, возрождая суверенную государственность России и утверждая незыблемость ее демократической основы, стремясь обеспечить благополучие и процветание России, исходя из ответственности за свою Родину перед нынешним и будущими поколениями, сознавая себя частью мирового сообщества, принимаем Конституцию Российской Федерации» [3]. Легко увидеть, что в данной формулировке содержится примерно поровну ценностей национального государства и ценностей гражданского общества и личности. В такой трактовке нация – государственно-территориальная и политико-правовая общность, существующая на основе общих политических, историко-культурных и духовно-ценностных характеристик и общего самосознания. «Такой общностью является многонациональный народ Российской Федерации, представляющий собой многоэтничную гражданскую нацию, включающую этнические общности, которыми в России могут называться “нации” (в этнокультурном и социально-политическом смыслах), национальности и народы. Двойное использование категории “нация” (в общегражданском и этнокультурном значении) не противоречит конституционному положению “мы, многонациональный народ Российской Федерации”, означая, что Россия есть национальное государство, а ее народ представляет собой нацию наций» [4]. Здесь понятия «нация наций» и «гражданская нация» практически полностью ликвидируют «подданнический» компонент монополии национального государства на власть.

В то же время со стороны гражданского общества тоже наблюдаются тенденции на сближение с институтами государственной власти. Даже сами определения гражданского общества это сближение подразумевают: «…гражданское общество – совокупность свободных ассоциаций граждан (и многообразных связей между ними), действующих автономно от государства и уважающих его законы, при условии уважения этими законами прав человека» [5, с. 62].

В результате в XX – начале XXI в. наиболее активные и содержательные политические процессы идут в сфере взаимодействия гражданского общества и государства. Можно высказать предположение, что как раз в этом общем пространстве, где в основном разворачиваются социальные и политические движения, и находится источник всего политического развития, определяя и тип государства, и характер гражданского общества.

Конечно, если для устойчивых структур государства характерно преобладание иерархических связей, вертикальных отношений, то для гражданского общества – доминирование горизонтальных невластных связей. Эти последние весьма разнообразны и образуют как бы несколько слоев. Фундамент составляют производственные отношения, точнее – отношения, связанные с обеспечением жизнедеятельности общества. Второй слой – это социокультурные отношения, включающие семейно-родственные, этнические, религиозные и прочие устойчивые связи. Наконец, третий (верхний) слой образуют отношения, связанные с индивидуальным выбором, с политическими и культурными предпочтениями, ценностными ориентациями. Здесь мы находим всякого рода группы интересов, политические движения, клубы, гражданские инициативы, партии и т. д. В этом слое функционирует и развивается гражданское самосознание. Однако постепенно при изменении соотношения между современным государством и гражданским обществом происходит преобразование вертикальных связей в горизонтальные и обратно. Церковь, сословия, цехи, рыцарские ордена, отмирая как государственные структуры, сохраняются нередко (да почти всегда) как образования гражданского общества. Напротив, отдельные институты гражданского общества по мере своего становления и развития превращаются в функциональные органы

государственности. Так было, например, с политическими партиями, возникшими как противовесы абсолютизму государственной власти, но превратившимися в ключевые элементы государственных систем принятия решений и управления.

Американский теоретик О. Гоулднер отмечает внутреннее усложнение современного гражданского общества, в котором развиваются и кристаллизуются специфические негосударственные институты. Они объединены тремя планами, или разрезами, гражданского общества: легальностью (институты гражданского правосознания и правозащиты), плюрализмом (институты автономного ассоциирования граждан), публичностью (институты коммуникации и взаимодействия граждан)*. Развитие этих структур позволяет сформироваться новому гражданскому самосознанию, которое благодаря критической рефлексии, обладанию «культурным капиталом» и развертыванию специфического дискурса может оказаться в состоянии осуществить целостную эмансипацию граждан. И государство зачастую способствует развитию этих негосударственных институтов, само развиваясь от состояния тоталитарного контроля над гражданами до состояния демократического.

Сейчас уже невозможно считать, что для гражданского общества характерен принцип абсолютной свободы-анархии, тогда как для государства – позитивистский принцип «порядок и прогресс». На самом деле обе эти части реального общества живут одной жизнью, дополняя друг друга. Это две стороны одной медали: без государства (во всяком случае национального) нет гражданского общества, а есть дезорганизация и, соответственно, распад. И наоборот, без развитого свободного гражданского общества нет демократического, правового государства, а есть насилие и тирания. Одно зависит от другого. Лишь в теории мы отделяем гражданское общество от государства, и то только для того, чтобы понять механизмы общественной жизни, степени свободы и несвободы граждан, уровни политического развития общества и т.д.

* В последнее десятилетие грандиозное развитие во всех трех планах приобретают социальные сети или, шире, – виртуальная реальность самовыражения и взаимодействия.

Литература

1. Гаджиев К.С. Геополитические горизонты России (контуры нового миропорядка). М. : Изд-во «Экономика», 2007.
2. Зарубежная политология : словарь-справочник / под ред. А.В. Миронова, П.А.Цыганкова. М. : Независимый открытый ун-т, 1998.
3. Конституция Российской Федерации от 25 дек. 1993 г., с изменениями от 30 дек. 2008 г. // Рос. газ. 2009. 21 янв.
4. Концепция духовно- нравственного развития и воспитания личности гражданина России. Проект / А.Я. Данилюк, А.М. Кондаков, В.А. Тишков // Вестн. образования. 2009. № 17. URL : www.vestnik.edu.ru/proect.html.
5. Сунгуров А.Ю. Гражданское общество: основные этапы развития и возможная структура // Гражданское общество – в поисках пути. СПб., 1997.
6. Rostow W.W. The diffusion of power. N.Y., 1972.

Modern transformation of a nation state

There is described the specificity of interaction of a government and civil society. Special attention is paid to the analysis of the notion "nation state" without which the mechanisms and forms of the existence of civil society cannot be understood.

Key words: *government, civil society, civic consciousness, nation state, democracy.*